

А. Е. МОСКАЛЕНКО

**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ В СПЛИТЕ В XIV в.**

Социально-экономическое развитие средневековых городов Далмации, игравших важную роль в экономической, политической и культурной жизни не только народов Югославии, но и всей Центральной и Юго-Восточной Европы, изучено еще далеко недостаточно. В многочисленных трудах югославских, русских, итальянских, немецких и других историков, посвященных средневековой Далмации, указанная проблема либо совсем не затрагивалась, либо подвергалась лишь самому общему рассмотрению и в подробностях почти не выяснялась¹.

Только в последние годы в Югославии начали появляться специальные работы, посвященные вопросам социально-экономического развития далматинских городов и истории классово-борьбы в них². Поднимая много нового и интересного материала, эти работы, однако, пока еще далеко не исчерпали темы. По существу, только начали разрабатывать эту проблему и советские историки³.

Поэтому особенно необходимыми являются исследования истории отдельных городов Далмации, и в первую очередь — истории развития их экономического и социального строя. В данной статье рассматривается социально-экономический строй Сплита, одного из наиболее крупных

¹ Литературу вопроса см. в книге Л. Войновича (L. Voinovich. Histoire de Dalmatie, part 2. Paris, 1934, p. 838—856). Краткий критико-библиографический обзор изданий источников и основной литературы по истории Далмации дается также в соответствующих разделах коллективного труда югославских историков „Historija porodica Jugoslavije“, d. I. Zagreb, 1953.

² Например, в работе С. Антоляка о городских и крестьянских восстаниях в Хорватии первая часть посвящена народным движениям в средневековой Далмации (S. Antoljak. Bune pučana i seljaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1956, str. 12—56). Заслуживает большого внимания исследование М. Брандта (M. Brandt. Wyclifowa Hereza i socijalni pokreti u Splitu krajem XIV. st. Zagreb, 1955). В пятой главе работы специально разбираются социально-экономические отношения в Сплите до конца XIV в. Использование архивных материалов делает исследование М. Брандта особенно интересным. См. также интересную работу М. Мирковича (M. Mirković. O ekonomskim odnosima u Trogiru u XIII Stoljeću. „Historijski zbornik“, 1951).

³ Н. П. Соколов. Вопрос об установлении венецианской супрематии над Дубровником. „Научные труды исторического факультета Горьковского Гос. пединститута“, вып. 13, 1950. Автор правильно связывает внешнеполитическую историю Дубровника с его социально-экономическим развитием, но последнего специально не исследует. См. также А. П. Каждан. Наемный труд в Дубровнике в XIV в. КСИС, вып. 17, 1955; А. Е. Москаленко. Ремесло и промыслы в Сплите в XIII—XIV вв. „Труды Воронежского Гос. университета“, т. 38, 1955; его же. Социально-экономический и политический строй г. Сплита в XIII—XIV вв. КСИС, вып. 19, 1956 (Автореферат кандидатской диссертации).

городов средневековой Далмации, история которого типична для большинства из них. Мы остановились на XIV в., так как для этого времени в нашем распоряжении имеется наибольшее количество опубликованных источников. Это прежде всего «Статуты и законы города Сплита»⁴, затем разнообразный актовый материал, изданный Т. Смичикласом⁵, С. Любичем⁶ и В. Макушевым⁷, и, наконец, выпущенный недавно в Сплите В. Рисмондом сборник нотариальных записей сплитских нотариусов второй половины XIV—начала XV в.⁸ Мы привлекли также и далматинские хроники Михи Мадия⁹, Сплитского Анонима¹⁰ и мемуары Паули де Пауло¹¹. Опираясь на все эти источники, попытаемся выяснить, чем занимались жители Сплита в XIV в., на какие социальные группы делилось население города и в каких взаимоотношениях между собой находились эти группы.

Город Сплит возник в первой половине VII в., в эпоху славянских вторжений в Далмацию, на территории знаменитого Диоклетианова дворца, расположенного в самом центре Далматинского побережья.

Уже в конце X века Сплит был, по словам одной современной венецианской хроники, «знаменитейшим и могущественным городом»¹². Прочные стены Диоклетианова дворца, в котором обосновались первые жители Сплита, служили надежной защитой для его населения, занимавшегося

⁴ Statuta et leges civitatis Spalati. Opera I. I. Hanel. „Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium“ (в дальнейшем — МНЖСМ), vol. II. Zagrabiae, 1878. „Статуты и законы“ состоят из четырех частей: „Древний статут“, 1312 г.; „Новые статуты“, 1333—1363 гг.; „Реформации“, составленные в основном в 60—80 годах XIV столетия; „Прибавления“, относящиеся к XV в. В основу „Древнего статута“ положен капитулярый, составленный между 1239—1241 гг. В отдельных случаях мы использовали также данные Трогирского и Брачского статутов, относящиеся тоже к XIV в.: Statut i reformatije grada Trogira. Priredio za tisak, uvodom i tumačem popratio Iv. Strogal. МНЖСМ, vol. X. U Zagrebu, 1915; Statut i reformatacije otoka Brača. Priredio za tisak, uvodom i tumačem popratio K. Kadlec. МНЖСМ, vol. XI. U Zagrebu, 1926.

Мы полагаем, что внутренний строй Трогира и Брача в основном не отличался от внутреннего устройства соседнего Сплита. Общие сведения о статутах далматинских городов и островов можно найти в книге: J. Strogal. Statuti primorskih gradova i obćina. Bibliografski nacrt. U Zagrebu, 1911.

⁵ Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, collegit et digessit T. Smičiklas (в дальнейшем — Smičiklas), vol. II—XII. Zagrabiae, 1904—1914. Сборник охватывает время с начала XII в. до 1359 г.

⁶ Listine o odnošajih iz medju juznoga slavenstva i Mletacke republike. Skupio i uredio S. Ljubić, kn. 1—5. „Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium“ (в дальнейшем — МШСМ), vol. I—V. U Zagrebu, 1868—1875.

⁷ В. Макушев. Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории, вып. 1—3. СПб., 1870—1871; его же. Исторические памятники южных славян и соседних им народов, извлеченные из итальянских архивов и библиотек, ч. 1, кн. 1. Варшава, 1874.

⁸ Pomorski Split druge polovine XIV st. Notarske imbrevijature. U redanciji V. Rismonda. Split, 1954.

⁹ Historia edita per Micham Madii de Barnazanis de Spalato de gestis Romanorum Imperatorum et summorum Pontificum. J. G. Schwandtner. „Scriptores rerum Hungaricarum, Dalmaticarum, Croaticarum et Slavonicarum“ (в дальнейшем — Schwandtner), t. III. Vindobona, 1748.

¹⁰ Anonimi Spalatensis summa historiarum tabula a cutheis de gestis civium Spalatinorum (Schwandtner, III).

¹¹ Memoriale Pauli de Paulo patritii Jadrensis (Schwandtner, III). В некоторых случаях мы использовали также известную хронику Фомы Сплитского: Thomas Archidiaconus. Historia salonitana. Digessit F. Račić. МШСМ, vol. XXVI. Zagrabiae, 1894. Фома умер в 1268 г. Его хроника охватывает период с древнейших времен до середины XIII в.

¹² МШСМ, vol. VII, p. 427.

ремеслами, торговлей, земледелием, скотоводством, солеварением, рыбной ловлей и другими промыслами.

В дальнейшем особенно растет торговое значение Сплита, так как через этот город шла торговля Венгерско-Хорватского королевства, а также Боснии и Хума со странами Запада. В XIII—XIV вв. средневековый Сплит достиг своего наивысшего расцвета. Являясь самоуправляющейся городской коммуной, Сплит, как и другие города Далмации, вел ожесточенную и в целом успешную борьбу с Венецией, стремившейся задуть своих торговых конкурентов в Адриатическом море¹³.

В источниках XIV в. город именуется обычным термином *civitas*. Его центром являлся Диоклетианов дворец (Старый город). Площадь дворца представляла собой несколько продолговатый прямоугольник, примерно 215 м длиной и около 180 м шириной, и была обнесена массивными стенами, сложенными из крупных, правильной формы камней, привезенных с острова Брача. Стены поднимались на высоту от 16,5 м (на юге) до 23,5 м (на севере), а толщина их достигала 2 м. К дворцу непосредственно с запада примыкал *burgum* (Новый город — вначале предместье), обнесенный к концу XIV в. прочной каменной стеной.

Вокруг города раскинулся округ Сплита (*districtus civitatis Spaloti*), территория которого была сравнительно небольшой¹⁴.

В течение XIV в. границы округа несколько раз изменялись. В начале XIV в. западная граница Сплитского округа начиналась где-то к западу от развалин древних Салон (современное село Солин), затем она шла на северо-восток, к истокам р. Ядер, и далее к хребту Мосор. На севере естественной границей был Мосор, от которого она сворачивала на юг к истоку р. Жрновицы, составлявшей до самого устья восточную границу Сплитского округа. Эта территория на западе и северо-западе граничила с владениями Трогира¹⁵ и Клиса, на севере — с Боснией, а на востоке с Полицей. В состав Сплитского округа постоянно входили и остров Шолта, часть острова Чиово и ряд более мелких островов. В отдельные периоды Сплиту подчинялся остров Брач, но обычно ненадолго¹⁶. В 1390 г. боснийский король Стефан Тврдко особой грамотой значительно расширил территорию Сплитского округа, даровав сплитчанам на востоке Полицкое приморье от р. Жрновицы до р. Цетины «со всеми деревнями, землями, водами, лугами, рощами, пастбищами»¹⁷, а на западе прирезал кусок территории за счет Трогира.

Сколько-нибудь точных данных о численности населения средневекового Сплита мы не имеем. Однако некоторые косвенные указания источников позволяют говорить о том что в первой четверти XIV столетия Сплит насчитывал около 8 тыс. жителей¹⁸. В середине XIV в. Сплит,

¹³ См. очерк истории Сплита, принадлежащий перу директора Сплитского городского музея Ч. Чичин-Шаина (Č. Čičin-Šain. *Historijski razvitak grada Splita*. Split, 1950), а также прекрасную библиографию, составленную научным сотрудником того же музея Д. Кечкеметом (D. Kečkemet. *Bibliografija o Splitu, d. I. Split, 1955*).

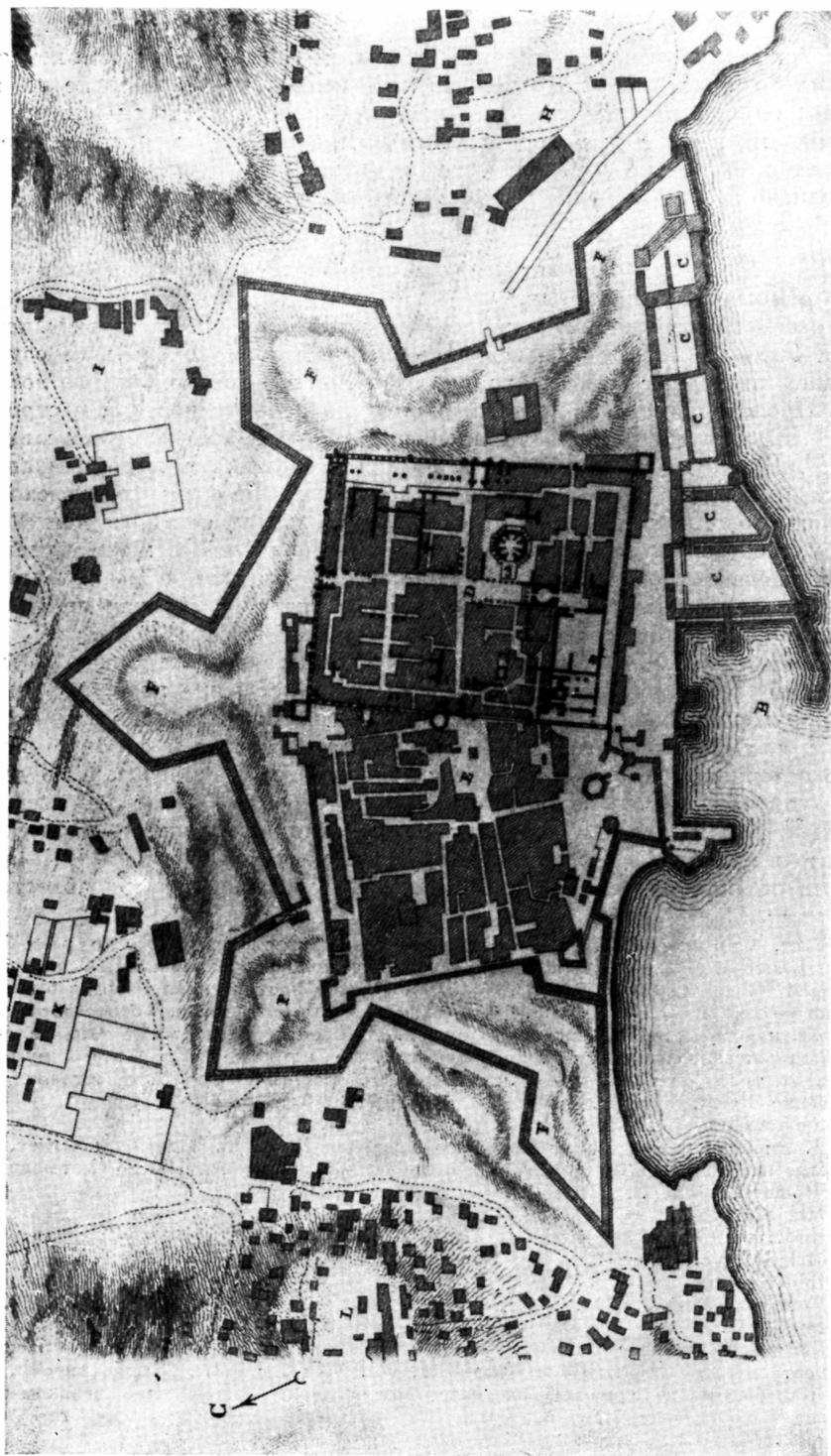
¹⁴ Для того чтобы явиться на суд, человеку, который находился в пределах округа, давался срок 3 дня. Только в том случае, если обвиняемый находился вне округа, ему назначался срок сообразно расстоянию, отделявшему его от города. *MHJSM, vol. II, p. 135*.

¹⁵ Между Трогиром и Сплитом шла постоянная борьба за селение Острог.

¹⁶ В 1358 г. послы сплитчан к королю Людовику получили задание просить о передаче острова Брача Сплиту, так как этот остров, по мнению сплитчан, и по географическому положению и по сложившимся отношениям ближе к Сплиту, чем к какому-нибудь другому городу. (*Smičičklas, vol. XII, p. 541*).

¹⁷ *MSHSM, vol. IV, p. 281*.

¹⁸ Хронист Миха Мадий рассказывал, что когда в 1323 г. сплитчане напали на Омиш, князь Георгий Клисский вторгся на территорию Сплита, опустошил ее и

1. План г. Слута. XVIII в.

так же как и многие другие города Европы, посетила чума, после которой наступил голод. Сплитский Аноним рассказывает, что «бедствие голода не менее опустошило род людской и в особенности ряды сплитчан, чем поглотила их перед тем в короткое время пронесшаяся моровая язва»¹⁹. Количество населения в Сплите, таким образом, значительно уменьшилось, однако насколько — мы точно сказать не можем²⁰.

В XIV в. Сплит предстает перед нами прежде всего как центр развитого ремесленного производства.

В рассматриваемое время широкий размах приобрело строительство города. Рядом с собором возводилась шестиэтажная колокольня, осуществлялась постройка нового дворца коммуны и каменной стены вокруг бурга. Производились, кроме того, работы по ремонту порта и постройке мола²¹. На Браче и на Шолте производилась разработка строительного камня²². В городе и на Шолте в большом количестве вырабатывались известь и цемент²³. Сохранившиеся до нашего времени средневековые постройки говорят о высоком уровне развития строительного искусства. Естественно, что в городе должны были существовать мастера самых разнообразных строительных специальностей: каменщики (*magistri muratores*)²⁴, плотники (*marangoni*)²⁵, столяры, штукатуры, резчики по камню, резчики по дереву, изготовители извести (*magistri calcarie*)²⁶ и т. д.

Наличие в Сплите кораблестроения засвидетельствовано еще Фомой Сплитским²⁷. В «Древнем статуте» находим запрещение продавать пиратам вооружение, баркасы, а также гвозди, паклю, жир, канаты, якоря, смолу²⁸, т. е. все то, что необходимо для строительства и ремонта кораблей. В источниках часто упоминаются конопатчики (*calafati*)²⁹. Есть документ о плотнике Степане, который взялся строить баркас для некоего Ядрола³⁰. Кроме того, М. Брандт на основании архивных документов говорит о наличии в Сплите корабельных мастеров (*protomagistri lignaminis*) и об изготовителе весел (*remigliarius*)³¹. В связи с кораблестрое-

угнал скот. Обратившись против князя, сплитчане преследовали его до реки Ядер „вблизи Класа с большим войском, [состоящим] приблизительно из 1200 вооруженных людей“ (*Schwandtner*, III, p. 649). Однако против князя Георгия было направлено не все сплитское войско, значительная часть его должна была оставаться для отражения возможного нападения омшан. По всей вероятности, в Сплите жило около 2 тысяч взрослых мужчин. Если считать, что на каждого взрослого мужчину приходится трое детей, стариков и женщин, то население Сплита и составит приблизительно 8 тыс. человек.

¹⁹ *Schwandtner*, III, p. 657.

²⁰ В. Рисмонд, вслед за итальянским исследователем Г. Прага, полагает, что количество населения Сплита во второй половине XIV в. не превышало 3 тысяч человек (*Pomorski Split...*, str. 14).

²¹ *MHJSM*, vol. II, p. 198, 282.

²² *Ibid.*, vol. XI, p. 73; *Pomorski Split...*, str. 58, 65, 71.

²³ *MHJSM*, vol. II, p. 195, 198, 261.

²⁴ *Ibid.*, p. 108.

²⁵ *Pomorski Split...*, str. 30, 87, 107.

²⁶ *Ibid.*, str. 80.

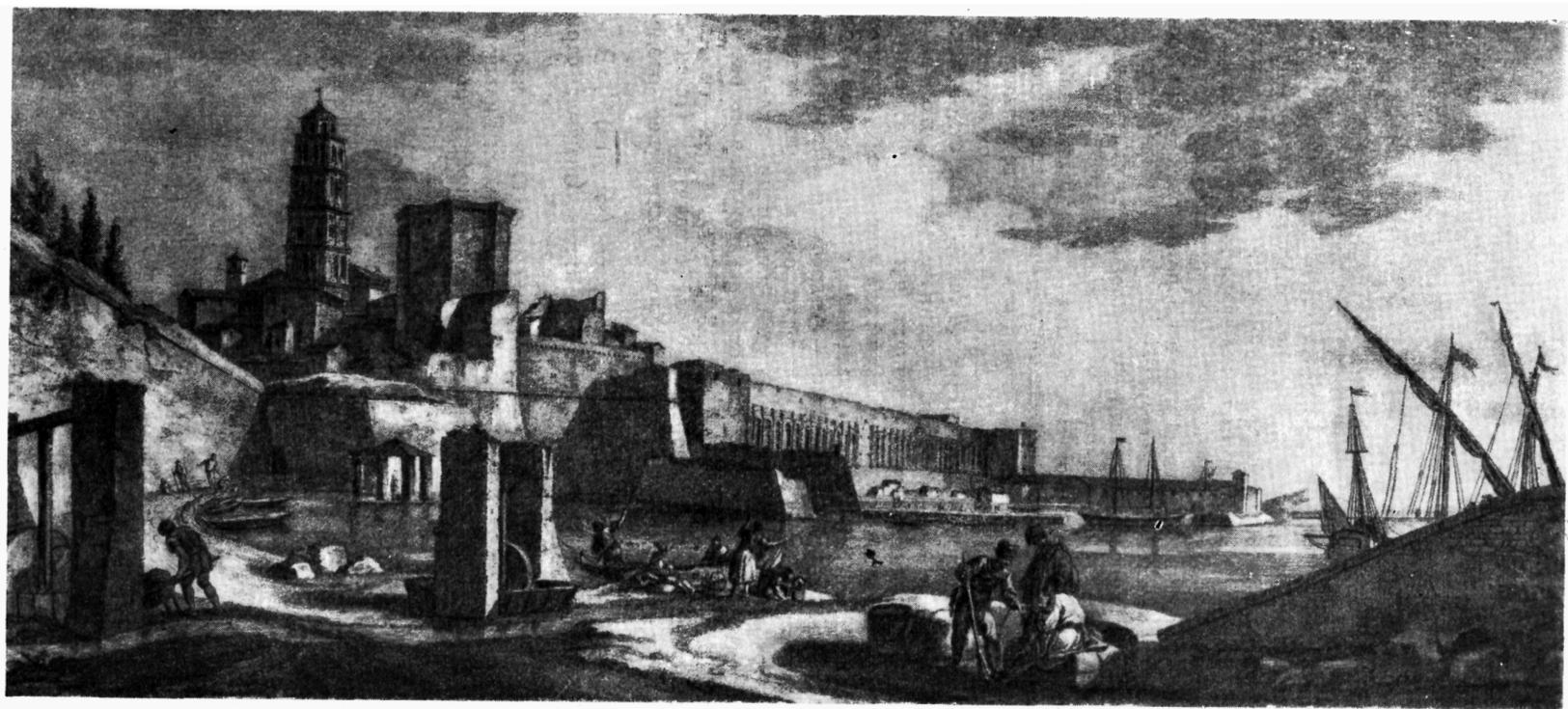
²⁷ Готовясь к войне с Омишем, подеста Сплита Гаргано (1239—1241) распорядился построить, по словам Фомы (*MSHSM*, vol. XXVI, p. 127) „одну трирему, которая была бы быстроходнее и выше качеством остальных. И вся она целиком была построена и оборудована приблизительно в 20 дней“.

²⁸ *MHJSM*, vol. II, p. 179.

²⁹ *Pomorski Split...*, str. 29, 46, 79, 90, 97, 108, 111.

³⁰ *Ibid.*, str. 30. Этот Стефан именуется то калафатом (*Ibid.*, str. 90; ср. *M. Brandt. Wyclifowa Hereza...*, str. 293), то марангоном (*M. Brandt. Op. cit.*, str. 292).

³¹ *M. Brandt. Op. cit.*, str. 202.

2. Вид на г. Сплит с юго-запада. XVIII в.

нием развивался ряд обслуживающих его производств: канатное, полотняное, кузнечное.

Было развито в Сплите и оружейное ремесло. Еще в документах XIII в. упоминается щитник (*scutifer*)³². В XIV в. встречается изготовитель луков (*archerius*)³³. По всей вероятности, кинжалы, мечи, панцири, латы, метательные машины, упоминаемые в «Статутах», также изготовлялись в самом Сплите.

Издревле особое развитие в Сплите получило ювелирное ремесло³⁴. «Древний статут» специальным постановлением «О золотых дел мастерах» (*de aurificibus*) запрещает последним выделывать какую-либо вещь из золота и серебра низкопробного качества³⁵. Драгоценные металлы привозились из Боснии и Сербии. Ювелиры имели в Сплите свою улицу, которая называлась улицей золотых дел мастеров³⁶.

Большое место в экономике Сплита занимало кожевенное производство и сапожное ремесло. О кожевниках и скорняках (*pelliparii*) имеются неоднократные упоминания в документах³⁷, как и о башмачниках (*callegarii*)³⁸. Основой для развития кожевенного дела и сапожного ремесла служило широкое распространение скотоводства в округе Сплита. Кроме того, кожа в невыделанном виде доставлялась и из соседних областей.

Развито было в Сплите и сукноделие. Для выделки сукон использовалась сила воды, и в «Реформациях» устанавливается, что «за ступы или сукновальные приспособления откупщик пусть получает одну треть прибыли с сукон, которые будут сваяны на указанных приспособлениях»³⁹. На развитие сукноделия указывает также договор 1367 г., заключенный между двумя анконцами — Андреем и Франциском — об образовании сотоварищества на 4 года для организации красильного производства. Основную роль играет Андрей, вложивший в дело 100 дукатов и свой баркас, на котором Франциск обязуется плавать все 4 года, получая за это $\frac{1}{4}$ доходов⁴⁰.

Документы называют также ворсильщиков (*cimatori*)⁴¹. По-видимому, в сукноделии существовало уже значительное техническое разделение труда.

Нередко встречается упоминание о портных (*sartores*)⁴². В одном документе XIII века упоминается мастер-шляпник (*magister capelliar, sorellarius*)⁴³. Встречаются шляпники и в XIV в.⁴⁴

Из ремесленников, связанных со снабжением населения продуктами питания, в источниках есть сведения о пекарях и мясниках. Большую роль в сплитской экономике играли мукомольный, солеварный и рыболовный

³² S mi č i k l a s, vol. V, p. 367.

³³ M. Brandt. Wyclifowa Hereza. . . , str. 202.

³⁴ L. Karaman. Starohrvatsko groblje na „Majdanu“ kod Solina. „Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku“, sv. LI, Split, 1940; MSHSM, vol. VII, p. 131; vol. XXVI, p. 48.

³⁵ MH¹SM, vol. II, p. 187—188.

³⁶ Č. Čičin-Šain. Historijski razvitak. . . , str. 9.

³⁷ Pomorski Split. . . , str. 37, 67, 80, 111.

³⁸ MHJSM, vol. II, p. 283; S mi č i k l a s, vol. XII, p. 551; MSHSM, vol. XVIII, p. 10; Pomorski Split. . . , str. 29, 79, 91; M. Brandt. Op. cit., str. 202, 293.

³⁹ MHJSM, vol. II, p. 288: Item quod de stuppis sive qualquatijs ipse emptor debeat accipere terciam partem lucripannorum, qui follabantur in ipsis.

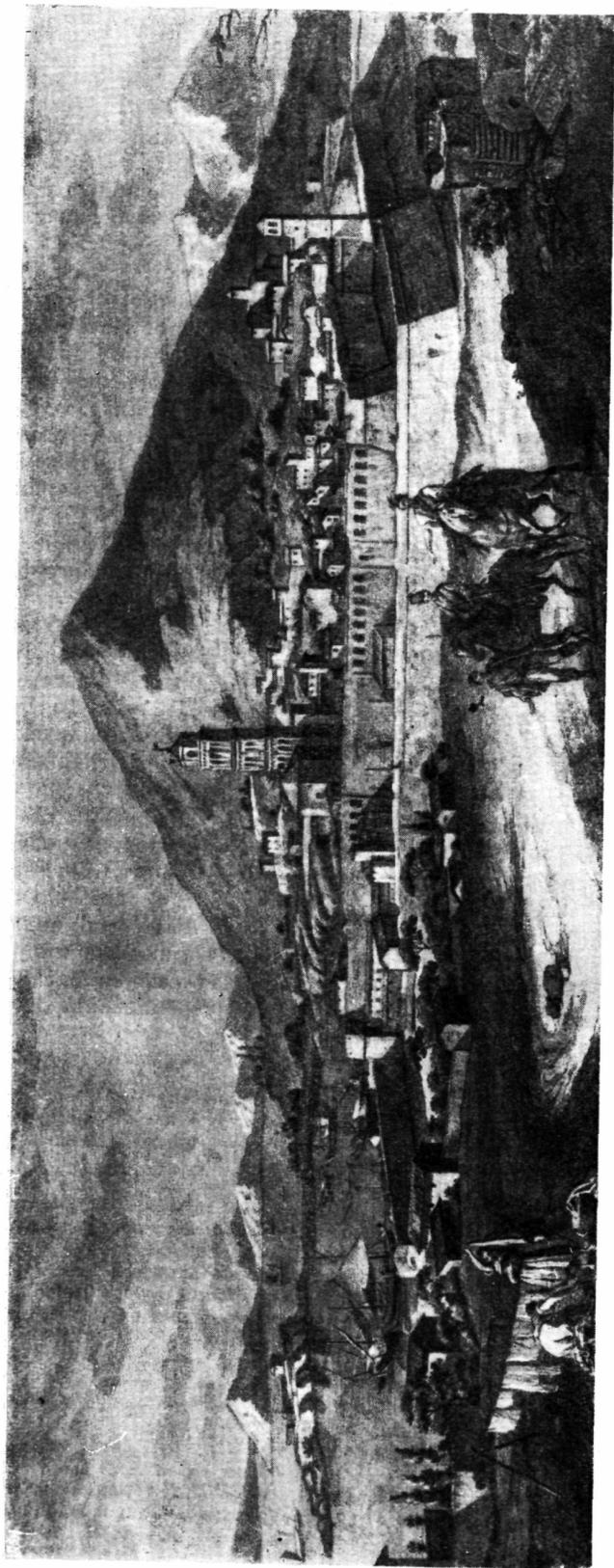
⁴⁰ Pomorski Split. . . , str. 32—33. Речь идет, вероятно, о перевозке сукна из Сплита и о доставке сырья.

⁴¹ Pomorski Split. . . , str. 65, 86.

⁴² Ibid., str. 38, 40, 55, 80; M. Brandt. Wyclifowa Hereza. . . , str. 202, 292.

⁴³ S mi č i k l a s, vol. III, p. 394—395.

⁴⁴ M. Brandt. Op. cit., str. 202.

3 Вид на г. Славит с востока. XVIII в.

промыслы⁴⁵, в связи с чем в источниках упоминаются мельники, солевары и рыбаки.

В источниках упоминаются, кроме того, цирюльники, врачи, аптекари, изготовители гребней. Вероятно, в Сплите работали также гончары, бондари, свечники и существовали маслособойный и винодельный промыслы, однако об этом можно сделать заключение лишь на основании косвенных указаний источников.

Ремесленники работали прежде всего на заказ⁴⁶. Часть из них находилась на службе у городской коммуны⁴⁷, а некоторая часть производила свои изделия для рынка⁴⁸, т. е. это было типичное мелкотоварное производство. Продавал ли сплитский ремесленник свои товары непосредственно у себя в мастерской, сам ли вывозил их на рынок или между ним и покупателем появился посредник в виде перекупщика, определенно сказать трудно. Но, по-видимому, скупщик уже играл известную роль в сплитском ремесле, особенно когда дело касалось снабжения ремесленными изделиями жителей округи и соседних областей, в первую очередь — Полицы⁴⁹.

О технике ремесла мы не находим каких-либо известий. По-видимому, это было обычное для средних веков мелкое производство, основанное на примитивной технике.

Часть ремесленников еще была связана с землей. Об этом имеются документы как XIII, так и XIV в. В 1234 г. женский монастырь св. Бенедикта продал участок земли некоему Посилу, мастеру-шляпнику⁵⁰. В документе 1266 г. речь идет о земле некоей Дминцы, дочери щитника⁵¹. В 1281 г. кожевник Радош завещал свою землю сплитской церкви⁵². В 1298 г. возник спор между портным Мильком и Бенедиктинским монастырем о земле. Дело выиграл монастырь⁵³. В 1369 г. конопатчик Марин купил пополам со своим отчимом, рыбаком Георгием, участок земли⁵⁴. В документах 1370 г. есть упоминание о земле конопатчика Гояна и его жены⁵⁵. Интересные данные приводит М. Брандт. Он нашел в нотариальных записях, хранящихся в архиве, всего два случая владения землей ремесленниками (в обоих случаях это были башмачники), но шесть ремесленников различных специальностей (парикмахер, портной, изготовитель гребней, башмачник и два шляпника) сами обрабатывали землю, принадлежавшую церкви и одному светскому землевладельцу⁵⁶. Вероятно это были разорившиеся ремесленники.

⁴⁵ Некоторые данные об организации указанных промыслов см. в работе: А. Е. Москаленко. Ремесло и промыслы в Сплите в XIII—XIV вв., стр. 58 сл.

⁴⁶ MHJSM, vol. II, p. 173.

⁴⁷ Ibid., p. 198; M. Brandt. Op. cit., str. 202, 206.

⁴⁸ MHJSM, vol. II, p. 283.

⁴⁹ Известны случаи, когда ремесленники отправлялись за пределы Сплита с торговыми целями. Так, в 1369 г. pellizarius Марин совместно со священником Божаном ездил по каким то делам в Сень, после чего у них возник конфликт из-за барки и денег (Pomorski Split. . . , str. 67). В следующем году у того же Марина снова возникает спор с Божаном и опять из-за барки и леса, который они привезли из Сени (ibid., str. 80). Однако вряд ли такая практика участия ремесленников в длительных торговых путешествиях имела широкое распространение.

⁵⁰ S mić iklas, vol. III, p. 394.

⁵¹ Ibid., vol. V, p. 367 sq.

⁵² Ibid., vol. VI, p. 381.

⁵³ Ibid., vol. VII, p. 295 sq.

⁵⁴ Pomorski Split. . . , str. 46 sq.

⁵⁵ Ibid., str. 85, 87.

⁵⁶ M. Brandt. Wyclifowa Hereza. . . , str. 202. К сожалению, М. Брандт не выясняет, в каких взаимоотношениях с собственниками земли находились эти ремесленники.

Вообще среди сплитских ремесленников наблюдалась уже значительная имущественная дифференциация. С одной стороны, имелись разбогатевшие мастера, каким был, например, конопатчик Николай, который ссужал значительные суммы в долг ремесленникам других специальностей⁵⁷. Таким же был парикмахер Марк, ссудивший 25 дукатов портному Радошу, который направлялся по торговым делам в Сень. Мясник Крестол, кроме занятия своим ремеслом, вел крупную торговлю сукном, а сапожник Витикус владел баркой, которую он сдавал в наем, и, кроме того, он же сдавал в аренду часть принадлежавшей ему земли и снабжал арендатора быками⁵⁸. С другой стороны, мы знаем и вконец разорившихся ремесленников, вроде кузнеца Петра, который вынужден был заложить свой основной инструмент: кузнечный мех, наковальню и молот⁵⁹. Скорняк Бене настолько обеднел, что в числе других бедняков вынужден был принять часть наследства богатого патриция Дуйма, завещанного для раздачи нищим⁶⁰.

Мастер работал вместе с учениками. Родители или опекуны ученика заключали с мастером договор, в котором предусматривались срок и условия обучения. В 1404 г. некая Марица, жена конопатчика Прибыла, отдала своего сына Марина в обучение цирюльнику Юрию на четыре с половиной года. Марин должен был в течение всего срока выполнять все указания мастера, оберегать его имущество и не допускать воровства, а Юрий обязан был кормить, одевать ученика, обучать его своему ремеслу и по истечении срока снабдить одеждой и основным инструментом. Если Марин причинит какой-нибудь убыток Юрию, Марица обязуется его возместить⁶¹. Этот договор является типичным⁶². Иногда предусматривалась плата за обучение. Так, золотых дел мастер Иван получил за обучение своего ученика Цланаца авансом 40 малых либр⁶³. При этом Иван обязывался за четыре года так обучить Цланаца своему ремеслу, чтобы он стал искусным мастером. А в случае, если тот не станет мастером, деньги все же остаются у Ивана на покрытие расходов.

Постановление Большого Совета Сплита, записанное в «Реформациях» в 1367 г., обязывало всякого ремесленника под угрозой штрафа иметь не менее одного ученика⁶⁴, а через 10 лет последовало еще постановление, согласно которому устанавливалось специальное наблюдение за тем, чтобы отцы и опекуны мальчиков отдавали их в учение мастерам⁶⁵. М. Брандт объясняет оба эти постановления, с одной стороны, стремлением мастеров каждой специальности ограничить приток новых кадров в свои ряды, а с другой — тяжелым положением учеников, отчего родители отказывались отдавать своих детей в обучение⁶⁶.

Были ли в Сплите, да и вообще в далматинских городах, ремесленные подмастерья? М. Брандт отвечает на этот вопрос утвердительно⁶⁷. Он

⁵⁷ Pomorski Split... , str. 29, 86, 91, 97, 99, 100.

⁵⁸ M. Brandt. Wyclifowa Hereza... , str. 202—203.

⁵⁹ Ibid., str. 203.

⁶⁰ Pomorski Split... , str. 97.

⁶¹ Ibid., str. 111.

⁶² В договорах, приложенных М. Брандтом к его исследованиям, сроки обучения определяются от 3 до 5 лет. M. Brandt. Op. cit., str. 292—293.

⁶³ В Сплите была принята денежная система, которая имела распространение в Венеции и других средиземноморских городах: денарий — солид — либра. Либра содержала 20 солидов, а солид — 12 денариев. Существовали малые и большие денарии, солиды и либры. Отношение между ними 1 : 26.

⁶⁴ MHJSM, vol. II, p. 285.

⁶⁵ Ibid., p. 290.

⁶⁶ M. Brandt. Wyclifowa Hereza... , str. 205.

⁶⁷ Ibid., str. 204 sq.

пишет, что подмастерья также заключали с мастерами договоры на один год и больше. Согласно договорам, подмастерья обязаны делать все, что им прикажет мастер, они не могут до истечения срока оставить своего хозяина (как и хозяин отказывается от подмастерья). За свою работу подмастерья получали квартиру, одежду, пищу, инструмент и плату. Этим, по мнению М. Брандта, подмастерья отличались от учеников. В подтверждение своей точки зрения М. Брандт приводит один договор⁶⁸. Но возможно, что в этом договоре речь идет о наемном слуге (в источниках такие слуги именуются термином *famuli*). При этом неизвестно даже, является ли нанимавший ремесленником. О том, что *famuli* ремесленных мастеров — это и есть подмастерья, писал и А. П. Каждан в своей статье о наемном труде в Дубровнике⁶⁹. Но в сущности и А. П. Каждану не удалось в достаточной мере аргументировать эту мысль, так как для внесения полной ясности в разбираемый вопрос мы не располагаем пока достаточным количеством документов. Можно лишь признать, что в ремеслах далматинских городов в какой-то форме применялся наемный труд, и, в известной степени, отождествить этот труд с трудом подмастерьев⁷⁰.

Положение учеников и наемных работников (подмастерьев?) в течение второй половины XIV в. непрерывно ухудшалось⁷¹. И те и другие подвергались жестокой эксплуатации со стороны мастеров.

Чрезвычайно важный вопрос о существовании в Сплите цехового строя из-за скудости опубликованных источников решить пока невозможно⁷².

Таким образом, мы видим, что ремесленное производство играло весьма важную роль в экономике Сплита XIV в., а значительную часть населения города составляли ремесленники различных специальностей, среди которых в рассматриваемое время существовала уже значительная имущественная дифференциация.

⁶⁸ М. Brandt. *Wyclifowa Hereza...*, str. 293.

⁶⁹ А. П. Каждан. Наемный труд в Дубровнике в XIV в., стр. 41.

⁷⁰ В своей статье о ремесле и промыслах в Сплите в XIII—XIV вв. я считал, что среднего звена цеховой иерархии (подмастерьев) в далматинских городах не существовало. Этот вопрос за отсутствием документов я решал по аналогии с Италией. Но по существу нельзя говорить об отсутствии подмастерьев в итальянских городах (см., например, Дж. Луццато. Экономическая история Италии. М., 1954, стр. 272). Речь должна идти, по-видимому, лишь о своеобразной эволюции этой категории в Италии.

⁷¹ М. Brandt. *Wyclifowa Hereza...*, str. 205.

⁷² Некоторые исследователи (А. Рейц, К. Иречек, Л. Войнович и др.) полагали, что в далматинских городах цеховая система организации ремесленного производства имела. Однако сколько-нибудь убедительной аргументации в пользу этого мнения ни один из этих исследователей не привел. Нельзя признать вполне убедительными и те соображения в пользу наличия цехов в Сплите, которые мы высказывали в свое время в статье, опубликованной в „Трудах Воронежского Гос. университета“ (т. 38, стр. 56—58). В „Истории народов Югославии“ о цехах говорится весьма осторожно. В Дубровнике имелись ремесленные цехи, которые занимались главным образом благотворительными и религиозными делами („Historija naroda Jugoslavije“, d. I. Zagreb, 1953, str. 641), но в большинстве остальных далматинских городов ремесленники входили в различные религиозные братства и только кое-где имелись специальные ремесленные братства (*ibid.* str. 734). Интересные соображения по поводу цехов в Дубровнике XIV в. высказал А. П. Каждан, который считает, что цехи в указанное время только зарождались (А. П. Каждан. Наемный труд в Дубровнике в XIV веке, стр. 40—41). Думается, что А. П. Каждан не разграничивает вопросы о происхождении цехов и происхождении цеховых уставов, которые возникли позже, чем сами цехи. По-видимому, при решении вопроса о цехах как в Дубровнике, так и в других далматинских городах необходимо привлечь новые архивные документы. М. Брандт касается вопроса о цехах, к сожалению, лишь вскользь (М. Brandt. *Op. cit.*, str. 186).

О развитии в Сплите торговли, в первую очередь морской, источники XIV в. содержат большое количество данных.

Прежде всего обращает на себя внимание широкая торговля продуктами питания, главным образом хлебом. «Статуты» категорически запрещают вывозить без специального разрешения зерно или муку за пределы города и его округа. Подеста был обязан вести строгий учет урожая и обновлять хлебные запасы коммуны. Зерно, купленное жителями Сплита в его округе или вне ее, должно было доставляться только в Сплит. В городе его можно было покупать только для своей земли, муку и сухари на корабль можно было брать только для собственного потребления по определению курии. Поощрялся привоз хлеба из соседних областей⁷³. Эти и другие подобные постановления были вызваны тем, что своего хлеба в Сплитском округе производилось недостаточно для прокормления населения. Хлеб закупали в Боснии и Хуме, во внутренних областях Далмации⁷⁴, прежде всего в Полице, наконец, в Хорватском Приморье, особенно в Сени⁷⁵. Кроме того, хлеб ввозился в Сплит из Южной Италии (Апулии)⁷⁶.

Покупался ли хлеб вне Сплита только для продажи местному населению или сплитские купцы вели также транзитную торговлю хлебом? Несомненно, что при острой нехватке хлеба, какая испытывалась всеми городами Далмации, торговля им должна была принести большие барыши. Сплитский купец, закупавший хлеб вне Сплита и его округа, вез его, прежде всего, в Сплит, как этого требовали «Статуты». Но если хлеб выгоднее было продать в другом месте, купец, конечно, стремился вывезти его именно туда, тем более что подеста, судьи города и даже специальные лица, наблюдавшие за торговлей хлебом, могли дать разрешение на его вывоз. Сама строгость наказания за вывоз хлеба без соответствующего разрешения: высокие штрафы (50 малых венецианских либр за вывоз хлеба по морю и 25 — по суше), конфискация средств транспорта (баркасов, вьючных животных) и самого хлеба — говорит о том, что постановления о вывозе хлеба постоянно нарушались.

Соль, так же как и хлеб, вывозить из Сплита и его округа запрещалось. Кроме того, коммуна обладала монополией на продажу соли в розницу⁷⁷. В Сплит соль ввозилась из Анконы⁷⁸, а возможно, и из других мест.

Вино являлось одним из главных предметов торговли. «Статуты» безусловно запрещают привозить вино в город откуда-либо, кроме округа, так как своего вина производилось в избытке. Если чужеземец⁷⁹ привозил вино в Сплитский округ, он в течение трех дней после предупреждения должен был покинуть его пределы, иначе терял вино и платил штраф. Только с разрешения подеста можно было привезти чужеземное вино для своей семьи, но не больше четырех галет⁸⁰. За примешивание воды в продаваемое вино назначался чрезвычайно высокий штраф в 25 либр,

⁷³ MHJSM, vol. II, p. 199 sq., 225 sq., 278 sq.

⁷⁴ Ibid., p. 203—204.

⁷⁵ И. Н. Смирнов. Отношения Венеции к городским общинам Далмации, вып. II. Казань, 1884, стр. 103.

⁷⁶ Почти все далматинские города вывозили хлеб из Южной Италии, главным образом из Апулии (В. Макушев. Итальянские архивы..., вып. II, стр. 6 сл., 48 сл., 54 и др.

⁷⁷ MHJSM, vol. II, p. 204 sq., 279 sq.

⁷⁸ Pomorski Split..., str. 43.

⁷⁹ По понятиям сплитчан XIV в., всякий, кто не жил в городе и его округе, являлся чужеземцем (forensis).

⁸⁰ MHJSM, vol. II, p. 184. Вино измеряли тинариями. Тинарий = 6 галетам, галета = 32 баццолинам (ibid., p. 274).

трактирщики обязывались наливать вином сосуды до краев без пены⁸¹. Вино продавалось не только в Сплите и его округе, но и вывозилось в Сень, Венецию⁸² и другие места. Запрещалось покупать вино в Трогире и Омише и продавать его в Скрадине и Наренте⁸³. Это было сделано с целью поощрения вывоза своего вина.

Оливковое масло было также предметом не только местной торговли⁸⁴, но и вывоза⁸⁵.

Очень развита была в Сплите торговля мясом и скотом. Об этой торговле имеется наибольшее количество известий в источниках, особенно в «Статутах», где устанавливались цены на мясо, птицу и дичь, порядок их продажи, а также определялись пошлины, которые взимались с продаваемого мяса и скота⁸⁶. Торговля велась не только на местном рынке. Скот был предметом и транзитной торговли. Сплитские купцы закупали скот в большом количестве (мелкий рогатый скот сотнями голов) как в Сплитском округе, так и вне его пределов. К границам Сплитского округа скот гнали из Боснии и других соседних областей. Иногда сплитские купцы покупали скот в самой Боснии, а может быть и в Сербии, и перегоняли его через Трогирский округ. Сплитские купцы везли скот и мясо на остров Хвар⁸⁷, очевидно, перепродавая его там дальше, в Апулию⁸⁸, по всей вероятности, в Венецию и некоторые города Далмации. Интересно, что свинину и свиное сало в Сплит ввозили не только из внутренних областей Балканского полуострова, но и из Апулии и Анконской Марки⁸⁹, очевидно, для перепродажи в другие далматинские города.

На местном рынке шла также широкая торговля рыбой. Согласно «Статутам», рыбак должен продавать свежую рыбу в тот же день, когда он ее привез в порт, и только на рыбном рынке. Точно определялась цена на различные сорта рыбы и устанавливалось, что каждый, кто привез рыбу морем или сушей на продажу или для своих нужд, уплачивает одну восьмую часть в виде пошлины⁹⁰. При этом рыба могла продаваться как в городе и его округе, так и вне города и округа, т. е. служила предметом вывоза. На сплитском рынке продавались также печеный хлеб, дичь, молоко, сыр, мед, фрукты.

В связи с тем, что в Сплите ощущался недостаток в строительных материалах, лес ввозился из Сени⁹¹ и Венеции⁹², а строительный камень из Брача⁹³, Враницы⁹⁴, а также из Венеции⁹⁵. Известь, наоборот, вывозили с острова Шолты, например в Трогир⁹⁶.

⁸¹ MHJSM, vol. II, p. 273.

⁸² И. Н. Смирнов. Отношения Венеции к городским общинам Далмации, вып. II, стр. 103.

⁸³ MHJSM, vol. II, p. 184—185.

⁸⁴ Pomorski Split. . . , str. 35, 37, 40, 79.

⁸⁵ В. Макушев. Итальянские архивы. . . , вып. II, стр. 57. В 1322 г. посл из Сплита, аббат Свято استفановского монастыря Николай, прибыл в Неаполь с жалобой на то, что у сплитских купцов Андрея и Лаврентия, которые производили „некоторые свои торговые операции в пределах Апулии“, были конфискованы 34 бочки масла.

⁸⁶ MHJSM, vol. II, p. 186, 266 sq.; S mičiklas, vol. XII, p. 524 sq., 542 sq.

⁸⁷ Ibid., p. 187.

⁸⁸ В. Макушев. Итальянские архивы. . . , вып. II, стр. 58.

⁸⁹ MHJSM, vol. II, p. 269.

⁹⁰ Ibid., p. 185 sq., 270.

⁹¹ Pomorski Split. . . , str. 80.

⁹² MSHSM, vol. I, p. 370.

⁹³ MHJSM, vol. XI, p. 73.

⁹⁴ Pomorski Split. . . , str. 96.

⁹⁵ MSHSM, vol. I, p. 370.

⁹⁶ Pomorski Split. . . , str. 58.

В источниках есть упоминание о торговле железом, свинцом, оловом, золотом и серебром⁹⁷, которые привозились из Боснии и Сербии (может быть, через Дубровник) и употреблялись главным образом для нужд местного ремесла. Впрочем, железо вывозилось, например, в Апулию⁹⁸.

Из товаров, необходимых для кораблестроения, на сплитском рынке торговали якорями, канатами, паклей, смолой⁹⁹; продавались и целые баркасы¹⁰⁰. Однако есть сведения о том, что за баркасами ездили иногда в Задар¹⁰¹, где кораблестроение развито было больше, чем в Сплите. Из Венеции в Сплит привозили посуду и бочонки¹⁰².

Для нужд местного ремесла на сплитский рынок поступала шерсть, кожа не только из округа, но и с острова Брача¹⁰³, лен из Задара¹⁰⁴. Сукно из Сплита вывозилось в Апулию¹⁰⁵, возможно, вывозилось также и полотно, которое продавалось на сплитском рынке¹⁰⁶. Кроме того, в качестве товаров в Сплите фигурировали шелк, хлопчатобумажные ткани, хлопок, перец, сахар, корица, лекарства¹⁰⁷, которые попадали в Сплит, видимо, через Дубровник¹⁰⁸ и частично потреблялись на месте, а частично перепродавались во внутренние области Далмации, в Боснию, в Хум, а может быть и в Хорватию для потребления местных феодалов.

Наконец, во многих документах имеются сведения о торговле рабами. Но вопрос о рабах, о торговле ими, об использовании их труда, наконец, о положении рабов в далматинских городах XIII—XIV вв. заслуживает специального исследования. Здесь мы лишь отметим, что рабство и торговля рабами существовали во всех далматинских городах, в том числе и в Сплите. Имеются документы 1368 и 1369 гг. о покупке рабынь¹⁰⁹. В «Реформациях» под 1373 г. находим запрещение транзитной торговли рабами. Вместе с тем здесь же разрешалось покупать раба или рабыню у чужеземцев, но только для себя, а не для вывоза¹¹⁰. Сам институт рабства, таким образом, этим постановлением ликвидирован не был.

Итак, в Сплите существовал обширный внутренний рынок и, кроме того, Сплит имел торговые связи с соседними территориями, прежде всего — с Боснией. Для последней он служил естественным портом, каковым он является и сейчас. Из Сплита в Боснию в средние века шли торговые пути через горные проходы мимо Клиса, подробно описанные К. Иречеком¹¹¹.

О той большой роли, которую играли сплитские купцы в торговле с Боснией, свидетельствует привилегия боснийского бана Младина сплитским купцам от 11 июня 1302 г.: «Настоящей грамотой мы даем знать всем, что мы, внимательно обсудив и рассмотрев верность и службу (нам)

⁹⁷ MHJSM, vol. II, p. 275—276.

⁹⁸ Pomorski Split... str. 95.

⁹⁹ MHJSM, vol. II, p. 179, 275.

¹⁰⁰ Ibid., p. 179.

¹⁰¹ Pomorski Split... str. 38.

¹⁰² MSHSM, vol. I, p. 370.

¹⁰³ Pomorski Split... str. 108—109.

¹⁰⁴ Лен из Задара ввозили еще в XIII в. (Smičiklas, vol. IV, p. 196).

¹⁰⁵ В. Макушев. Итальянские архивы... вып. II, стр. 58.

¹⁰⁶ MHJSM, vol. II, p. 275.

¹⁰⁷ Ibid., p. 275—276: et omnes alies species. Ср. Е. Ч. Скржинская. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. ВВ, т. I, 1947, стр. 222.

¹⁰⁸ Никаких сведений о том, что Сплит в XIV в. был непосредственно связан с Византией и Левантом, у нас нет.

¹⁰⁹ Pomorski Split... str. 43, 60.

¹¹⁰ MHJSM, vol. II, p. 290.

¹¹¹ С. Иречек. Die Handelsstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien während des Mittelalters. Prag, 1879, S. 58 f.: его же. Историја срба, т. II. Београд, 1923, стр. 216.

сплитской знати и сплитской коммуны, которые до сих пор были послушны (нам) и впредь вполне могут быть такими, даем, даруем и подтверждаем эту нашу особенную милость, а именно: чтобы все сплитские купцы имели право и возможность свободно покупать, продавать, приобретать, привозить и вывозить товары по всей подвластной нам Хорватии и Боснии. Этой нашей вышеуказанной милости отнюдь не лишаются все эти и прочие купцы, которые захотели и пожелали бы привозить свои товары в город Сплит...»¹¹². Хотя, как видим, сплитские купцы и не получили преимущественного права свободной торговли в Боснии, но все же, несомненно, главную роль здесь играли именно они.

В 1345 г. сплитские послы жаловались дожу, что вследствие захвата князем Младином дороги на Клис «никто не может ни пройти к городу Сплиту, ни вернуться со своими вещами и товарами благодаря частым ограблениям, убыток от которых исчисляется в общей сложности большим, даже огромным количеством денег». Венецианский совет в ответ на эту жалобу решил отправить к князю Младину посольство, чтобы уговорить его оставить дорогу на Клис свободной и открытой, «по которой родовитые люди (*gentes*) и купцы пусть уходят и приходят со своими вещами и товарами, чтобы все могли пойти и возвращаться в Сплит, Трогир и другие места, куда они пожелают»¹¹³. Когда во второй половине XIV в. во время правления Стефана Тврдко Босния усиливается, она начинает борьбу за Далмацию, и эта борьба идет главным образом вокруг Сплита. В 1390 г. Стефан Тврдко издал известную уже нам грамоту, расширяющую границы Сплитского округа. Тесно был связан Сплит и с Хумом¹¹⁴, а отчасти и с Сербией¹¹⁵. Однако сербская торговля шла главным образом через Дубровник и более южные далматинские города — Котор, Будву и другие.

Как отчасти уже отмечалось выше, документы свидетельствуют о тесных торговых связях Сплита со следующими городами и территориями Адриатического побережья: Трогиром, Шибеником, Скрадином, Задаром, Сенем, Истрией, Омишем, Нарентой, Дубровником, Драчем, а также с островами Брачем, Хваром и Корчулой. Внешние торговые связи Сплита были также достаточно широкими: он вел оживленную торговлю с итальянским побережьем, в первую очередь с Анконой и Апулией, а также с Венецией.

Сплитская коммуна защищала интересы своих купцов путем применения санкций по отношению к той стране, в которой сплитскому купцу был нанесен ущерб. Порядок применения торговых репрессалий подробно разработан в «Древнем статуте»¹¹⁶. С кораблей, приходящих в порт, взималась особая пошлина (*comercium, arboraticum*)¹¹⁷.

С торговлей было тесно связано развитие мореходства, в котором была занята значительная часть сплитского населения.

Как и моряки других городов Далмации, сплитские *marinarii*, смелые и отважные люди, своим мореходным искусством стяжали себе славу далеко за пределами своей родины. Об условиях, способствовавших раз-

¹¹² *S mićiklas*, vol. VIII, p. 27. См. В. Ђоровић. Хисторија Босне. Кн I. Београд, 1940, стр. 217—218.

¹¹³ *MSHSM*, vol. II, p. 246.

¹¹⁴ Еще в 1241 г. хумский князь Андрей предоставил сплитчанам право на вечные времена свободно прибывать в Хум, „продавать и покупать без какой-либо подати или пошлины“, свободно рубить и вывозить лес. Все претензии сплитских купцов и недоразумения между ними и князем, а также и его людьми, должны были разбираться в Сплите сплитскими судьями (*S mićiklas*, vol. VI, p. 134).

¹¹⁵ *MHJSM*, vol. II, p. 42.

¹¹⁶ *Ibid.*, p. 211 sq.

¹¹⁷ *Ibid.*, p. 220 sq., 285 sq.

витию мореходного искусства, очень образно писал в одной из своих статей Карл Маркс: «Глубоко изрезанный морем, усеянный дикими скалистыми островами и песчаными отмелями, богатый удивительными гаванями для укрытия от непогоды, берег Истрии и Далмации представляет из себя первоклассный питомник превосходных моряков с крепкими мускулами и отважным духом, закаленных бурями, почти ежедневно бушующими на Адриатике. *Bora* (северный ветер), мощный возмутитель этого моря, поднимается всегда внезапно; он бросается на моряков со всей силою урагана и только самым закаленным из них удастся устоять против него. Иногда он свирепствует неделями без перерыва, и область его величайшей ярости лежит как раз между устьем Каттаро и южной оконечностью Истрии. Но далматинец, привыкший с детства бороться с ним, только закаляется под его грозным дыханием и презирает обыденные бури других морей. Таким образом, воздух, суша и море сочетались вместе, чтобы произвести на свет племя крепких и выдержанных моряков этого побережья»¹¹⁸.

Основная часть сплитских моряков договаривалась с капитаном служить на корабле определенное время, обычно на время плавания, получая за это определенную плату. В «Древнем статуте» говорится, что моряк, нанявшийся на службу на определенный срок, в случае удлинения срока получает за лишние дни дополнительное вознаграждение¹¹⁹. Эти наемные матросы назывались *marinarii conducti*¹²⁰. Их положение было тяжелым. Капитаны имели право подвергать их штрафу и даже телесным наказаниям¹²¹. Матрос, совершивший кражу на корабле, обязан был возместить стоимость украденного в четырехкратном размере и, кроме того, привлекался к уголовной ответственности. Если матрос по своей вине испортил что-нибудь из такелажа, он возмещал убыток вдвойне¹²². Фиксируя некоторые элементарные права наемных матросов, «Статуты» в первую очередь защищают интересы судовладельцев и капитанов.

Иногда матросы отправлялись в плавание под условием уплаты им части доходов, получаемых за время плавания¹²³. В 1367 г. Мадий Михин отдал свой баркас «Святой Андрей» некоему Драгою из Шибеника на следующих условиях. Драгой нанимает команду и будет водить баркас, половина доходов будет поступать Мадию, а вторая половина — Драгою с командой¹²⁴. По документу неясно только, получался ли доход от фрахта или от торговых операций. Кроме своей части дохода, Драгой получал за каждый рейс один дукат от Мадия и, кроме того, последний обязывался предоставить в распоряжение Драгоя одного раба (*unum ruerum*).

Среди моряков встречались иногда и зажиточные люди. Один такой моряк, Грубе Цвитков, не только ссужал другим морякам деньги в долг¹²⁵, но и нанял себе слугу, которого он обязался обучить *artem marinarie*¹²⁶. Встречаются известия о моряках, владеющих частью баркаса или даже целыми баркасами¹²⁷. Некоторые моряки, нанимаясь на корабль, брали

¹¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1, стр. 115—116.

¹¹⁹ MHJSM, vol. II, p. 230.

¹²⁰ Ibid., p. 220: *si marinarius conductus deceperit conductorem*.

¹²¹ Ibid., p. 227.

¹²² Ibid., p. 226.

¹²³ По терминологии Дубровницкого статута 1272 г., такие матросы назывались *marinarii ad partem* (ibid., vol. IX, p. 159). О них есть упоминание и в «Древнем статуте» (ibid., vol. II, p. 215).

¹²⁴ Pomorski Split..., str. 30.

¹²⁵ Ibid., str. 62, 64.

¹²⁶ Ibid., str. 45.

¹²⁷ Ibid., str. 11.

с собой товары¹²⁸. Из среды таких зажиточных моряков обычно вербовались капитаны кораблей (*patroni, nauclerii*).

Среди судовладельцев мы встречаем представителей разных слоев общества. Один из богатейших жителей Сплита второй половины XIV в. Камурций Франин являлся владельцем нескольких баркасов и марцелианы¹²⁹. Половину каждого из своих судов он продавал опытным морякам, которые ввели суда и торговали товарами, купленными на деньги Камурция¹³⁰. Камурций являлся также ростовщиком и землевладельцем. Таких примеров можно привести немало. Но не только крупные богачи были судовладельцами. Небольшими судами владели также некоторые ремесленники, рыбаки, моряки, как мы уже упоминали, иногда на паях. В нотариальных записях, опубликованных В. Рисмондом, мы часто встречаем записи о продаже $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{6}$ части корабля вместе с таковой же частью его оснастки.

Сплитские моряки имели свою организацию — братство св. Николая, основанное в 1349 г. Исследовавший специально историю этого братства Г. Новак пишет, что оно было основано «для защиты интересов судовладельцев, капитанов и матросов»¹³¹. К сожалению, мы не имеем в своем распоряжении документов об этом братстве и не можем сказать, кто из матросов в него входил, но в XIV в. интересы основной массы матросов далеко не совпадали с интересами капитанов и особенно богатых судовладельцев.

Отношения между судовладельцами и купцами регулировались постановлениями «Древнего статута». Часто купцы арендовали корабль для перевозки товаров за определенную плату или из части дохода¹³². Иногда судовладелец сам шел на корабле в качестве капитана или посылал вместо себя специального уполномоченного. В этом случае, после того как товары были погружены на корабль, за их сохранность отвечал судовладелец. Он же возмещал убыток, если только товары были потеряны вследствие плохого присмотра, а не от стихийных бедствий¹³³. Возможен был случай, когда судовладелец и купец объединялись на следующих условиях: первый давал барку, а второй деньги. В 1369 г. Дмине Туричич и Стойко Радоевич заключили между собой *societatem* для торговли с городом Фермо. Дмине давал барку, а Стойко 70 малых либр, за что Дмине получал $\frac{5}{9}$, а Стойко $\frac{4}{9}$ от общего дохода¹³⁴. Наконец, для торговых плаваний по морю образовывались сотоварищества (*societates pellagum navigandi, collegantia*). В Сплите, как и везде, товарищества были временными. Они организовывались обычно на период плавания. Тот, кто брал на себя ведение дел сотоварищей, в случае кораблекрушения или пожара на корабле за убыток не отвечал¹³⁵. Убыток, как и прибыль, распределялся между всеми, согласно доле каждого¹³⁶. Сотоварищи иногда сообща приобретали корабль. Если после этого между ними возникало несогласие и корабль не мог быть отправлен в плавание, любой из сотоварищей мог продать свою часть корабля с аукциона любому покупателю¹³⁷.

¹²⁸ MHJSM, vol. II, p. 225.

¹²⁹ Марцелиана — судно несколько больше баркаса, имеющее обычно две мачты.

¹³⁰ Pomorski Split... , str. 34, 35 sq., 53.

¹³¹ „Historija naroda Jugoslavije“, d. I, str. 734. Со специальной статьей Г. Новака, посвященной братству св. Николая, мы, к сожалению, не могли ознакомиться.

¹³² MHJSM, vol. II, p. 224, 215.

¹³³ Ibid., p. 225, 228.

¹³⁴ Pom rski Split... , str. 63—64.

¹³⁵ MHJSM, vol. II, p. 220.

¹³⁶ Ibid., p. 101.

¹³⁷ Ibid., p. 225.

В одном постановлении «Древнего статута» говорится, что за действия каждого из сотоварищей отвечают все члены товарищества¹³⁸. Возможно, что здесь речь идет о более прочных купеческих объединениях, но развивались ли временные сотоварищества в постоянные компании, а также существовали ли в Сплите купеческие гильдии — на эти вопросы прямого ответа в имеющихся в нашем распоряжении источниках нет.

Состав сплитского купечества в имущественном отношении не был однородным. Купцы, которые вели транзитную торговлю, являлись обладателями больших состояний и имели в своем распоряжении значительное количество наемных слуг, а также рабов, выполнявших обязанности при слуги. У В. Рисмонда и М. Брандта мы находим немало имен таких состоятельных торговцев. Часто крупные купцы сами непосредственно не участвовали в торговых операциях, а действовали через своих уполномоченных. Иногда они являлись ростовщиками, а также откупщиками пошлин и различных доходов коммуны, а вместе с тем судовладельцами, домовладельцами, сдающими квартиры в наем, и землевладельцами. Наряду с крупными купцами существовали средние и мелкие торговцы, торговые операции которых были незначительны и не выходили за пределы Сплитского округа.

В торговле было занято большое количество наемных слуг. В источниках наемные слуги называются *famuli*, реже *conducti*, *praestavi*. Согласно «Древнему статуту», слуги нанимались на определенный срок, до окончания которого они не могли оставить своего господина. В противном случае последний мог отыскать и вернуть своего слугу¹³⁹. Только женщина, нанявшаяся в услужение и вышедшая замуж, могла нарушить договор и уйти к мужу¹⁴⁰. Вместе с тем жена не могла пойти в услужение к кому-нибудь без согласия мужа¹⁴¹. Договоры между слугой и хозяином заключались обычно на срок от одного до трех лет¹⁴². Но известные и другие случаи; например, рыбак Сиран Радоставлев, житель Сплита, обязался служить дубровчанину Николаю всего в течение трех месяцев¹⁴³.

Слуги за свою работу получали питание, одежду и небольшую плату. Положение их было очень тяжелым. Хозяин не отвечал, например, за избивание слуги, если только его не изувечил¹⁴⁴. Никто не мог ничего покупать у слуг, как и у рабов¹⁴⁵. Слуги выполняли самые различные обязанности, начиная от личных услуг господину и кончая работой грузчиков торговых караванов и чернорабочих на кораблях.

Социально-экономический строй феодального города нельзя рассматривать вне связи с аграрными отношениями, сложившимися на территории его округа, населенного земледельцами и пастухами, жившими в деревнях.

Хлебопашество не могло получить большого распространения в Сплитском округе, так как для этого было мало удобных земель. Но все же обработка земли под зерновые культуры имела место как в материковой части округа, так и, в особенности, на островах. Сплитчане сеяли пшеницу, полбу

¹³⁸ MHJSM, vol. II, p. 124.

¹³⁹ Ibid., p. 106.

¹⁴⁰ Ibid., p. 95.

¹⁴¹ Ibid., p. 106.

¹⁴² Pomorski Split... str. 45, 61, 62, 64 — 65.

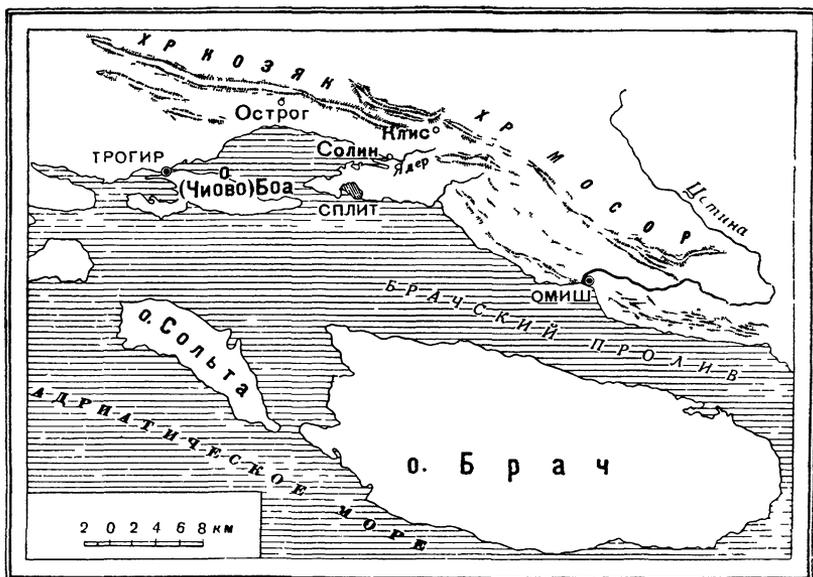
¹⁴³ Ibid., str. 83.

¹⁴⁴ MHJSM, vol. II, p. 106.

¹⁴⁵ Ibid., p. 182.

ячмень, просо¹⁴⁶. Земли обрабатывали плугом, в который запрягали быков¹⁴⁷.

Главную роль в сельском хозяйстве играло виноградарство. «Древний статут» точно определял, как должны обрабатываться виноградники. В феврале виноградная лоза подрезалась, в течение марта и апреля земля

4 Схематическая карта Центральной Далмации

вскапывалась и разрыхлялась в первый раз. Второе вскапывание производилось в течение июня. Если земледelec нарушал этот порядок, он терял свою долю, которая передавалась хозяину земли, и, кроме того, уплачивал штраф¹⁴⁸.

Большое распространение в Сплите получило разведение оливковых деревьев¹⁴⁹ и садоводство¹⁵⁰.

Очень большую роль в сельском хозяйстве Сплитского округа играло скотоводство. Стада насчитывали тысячи голов мелкого и крупного скота. В источниках упоминаются овцы, козы, свиньи, коровы, быки, лошади, ослы, мулы. Разводили сплитчане и домашнюю птицу: гусей и кур. К сельскому хозяйству следует отнести и пчеловодство, на развитие которого указывает торговля медом и воском.

Кому принадлежала земля в Сплитском округе и кто ее обрабатывал?

Еще в X—XI вв. в Далмации сложилось феодальное землевладение. По данным грамот того времени, вблизи Сплита находились владения хорватской короны. Уже тогда эти земли жаловались духовенству, королев-

¹⁴⁶ МНЈСМ, vol. II, p. 48, 169, 199, 262.

¹⁴⁷ Ibid., p. 179, 183, 262, 282. По-видимому, так же как в Полице, в Сплите господствовало трехполье (Б. Д. Греков. Полица. М., 1951, стр. 18).

¹⁴⁸ МНЈСМ, vol. II, p. 116 sq.

¹⁴⁹ Тот, кто обрабатывал виноградник, был обязан, под угрозой штрафа, на каждом урете земли сажать *sex pedes olivarum* (МНЈСМ, vol. II, p. 117). Один уретен равнялся 852 м² (M. Brandt. *Wyclifowa Hereza...*, str. 286).

¹⁵⁰ Плодовое дерево, сказано в „Древнем статуте“, не должно своими ветвями закрывать чужую землю. В противном случае плоды с них отдавались хозяину земли или ветви обрубались (МНЈСМ, vol. II, p. 108—109).

ским чиновникам, жупанам и городской коммуне, хотя *de jure* они продолжали считаться королевскими¹⁵¹. К XIV в. королевские владения перешли в руки церкви и светских лиц.

Церковь в Далмации являлась, как и повсюду в феодальном обществе, крупнейшим землевладельцем. Большое количество земель как в Сплитском округе, так и за его пределами принадлежало сплитскому архиепископу. Частью земель владел сплитский капитул. До нас дошла нотариальная копия 1338 г. более древней описи земельных владений церкви св. Дуйма, расположенных между реками Ядером и Жрновицей¹⁵². Из документа видно, что владения сплитского капитула представляли сравнительно небольшие участки земли, разбросанные на всей сплитской территории. Границы их отмечались камнями, а иногда изгородью. Участки не были одинаковыми. На одном, например, высевалось 22 модия зерна, на другом — всего половина модия¹⁵³. Крупными земельными собственниками являлись также монастыри. О монастырском землевладении в нашем распоряжении имеются документы XIII в., позволяющие установить, что оно складывалось за счет покупок, обмена, дарений, завещаний, а также путем прямых захватов. Особенно отличался в этом отношении женский бенедиктинский монастырь¹⁵⁴. В середине XIV в. в руках церкви было сосредоточено около $\frac{1}{3}$ всей земли¹⁵⁵.

Кроме церкви, земля принадлежала частным лицам, прежде всего нобиллям, живущим в городе. Отдельные родовитые граждане обладали сравнительно большими земельными владениями. Так, например, некая Мария, жена Гаудия Яне, завещала в 1250 году своим детям, а в случае их смерти капитулу церкви св. Домния, все свое имущество, которое состояло из двух домов и десяти участков земли, расположенных в различных местах Сплитского округа¹⁵⁶. В завещании Тихи, вдовы Михи Стоши, составленном в 1260 г., упоминается 16 участков земли, а также часть, которую она имеет на острове Шолта (здесь речь идет, очевидно, о части доходов с острова Шолты, взятых на откуп). Кроме того, Тиха владела еще участком земли, который был дан ей под залог монастырем св. Петра Гумая за взятые в долг деньги¹⁵⁷. В 1301 г. между двумя сестрами, Станой и Добриджей, возник спор из-за наследства. Стана требовала себе пять участков земли в Сплитском округе и земли на Браче¹⁵⁸. М. Брандт приводит данные середины XIV столетия об имущественном положении членов Сплитского Большого Совета. Большинство из них являлось владельцами нескольких участков земли¹⁵⁹. Каких размеров были эти участки, именуемые просто *terra*, *tergula*, *terrenum*, определить трудно. Очевидно, это участки, обрабатываемый трудом одного человека¹⁶⁰. Отдельные нобили владели целыми селениями вне Сплитского округа. Так, в 1407 г. сплитчанину Продашичу было пожаловано селение в Клисском комитате¹⁶¹.

¹⁵¹ И. Н. Смирнов. Землевладение в Хорватии и Далмации в X—XI вв. ЖМНП, октябрь 1884, стр. 307 сл.

¹⁵² *S mić i k l a s*, vol. X, p. 393—396.

¹⁵³ Сплитский модий (мера сыпучих тел), по вычислению М. Брандта, равнялся приблизительно $8\frac{1}{2}$ литрам и содержал 16 секстариев, как и античный римский модий (M. Brandt. *Wyclifowa Hereza*... , str. 286).

¹⁵⁴ См., например, интересную тажбу в 1298 г. об участке земли между бенедиктинским монастырем и портным Мильком (*S mić i k l a s*, vol. VII, p. 295).

¹⁵⁵ *MHJSM*, vol. II, p. 250.

¹⁵⁶ *S mić i k l a s*, vol. IV, p. 428 (документ сохранился не полностью).

¹⁵⁷ *Ibid.*, vol. V, p. 154 sq.

¹⁵⁸ *Ibid.*, vol. VIII, p. 5 sq.

¹⁵⁹ M. Brandt. *Wyclifowa Hereza*... , str. 196 sq.

¹⁶⁰ *S mić i k l a s*, vol. V, p. 154.

¹⁶¹ В. Макушев. Итальянские архивы... , вып. II, стр. 59.

Как уже отмечалось, землю имели отдельные ремесленники. Есть в документах также известия о небольших участках земли, принадлежавших морякам¹⁶².

Кроме церкви и светских лиц, в первую очередь нобилей, часть земли в Сплите принадлежала также городской коммуне. Еще в X—XI вв. городские коммуны владели пахотными землями и угодьями¹⁶³. В XIII—XIV вв. во владении сплитской коммуны находилась большая часть острова Шолты, доходы с которой отдавались на откуп. В одном документе 1242 г. говорится о том, что коммуна отдала на откуп остров Шолту нескольким сплитским нобелям, которые возбудили иск против монастыря св. Стефана, якобы незаконно владеющего некоторыми землями на Шолте¹⁶⁴. После разбора дела специальной комиссией было признано, что монастырь имеет право на владение землями на Шолте. Следовательно, уже в XIII в. часть территории острова Шолты каким-то образом попала в руки монастыря св. Стефана. Но остальная часть острова и в XIV в. продолжала оставаться собственностью городской коммуну¹⁶⁵. Ей же принадлежала и земля *Vissoha a sancta Maria*¹⁶⁶.

Сведений о крестьянской собственности на землю в Сплитском округе в имеющихся в нашем распоряжении источниках XIV в. нет.

Кто же обрабатывал землю, принадлежавшую светской и духовной знати, городской коммуне, а также частично средним слоям населения?

Жители округа именуется в наших источниках общим термином *districtuales*, реже *homines villarum*. Какие же категории крестьян скрываются за этим названием? В «Статутах» трижды встречается термин *villani*. «Древний статут» запрещает, чтобы в судьи избирались вилланы¹⁶⁷. В другом месте речь идет о ссорах и драках между клириками и светскими лицами, но при этом устанавливалось, чтобы в таких случаях клирика судила курия архиепископа, а светское лицо должно было подлежать суду светской курии. «И такому же наказанию, какому названный господин архиепископ подвергает клирика за допущенное им преступление против светских лиц, пусть будут подвергнуты и светские лица, допустившие преступление против клириков, всегда однако различая знатных персон из людей города Сплита от вилланов»¹⁶⁸. В обоих случаях, как видим, вилланы — это свободные люди. Наконец, в «Реформациях» говорится, что откупщик дохода с острова Шолты не имеет права передавать кому-либо окружающие Шолту мелкие острова, «но пусть они останутся и должны оставаться под пастбища, которые должны находиться в пользовании вилланов, живущих на острове Шолте»¹⁶⁹. Во всех трех приведенных выше случаях термином «вилланы» обозначаются, по-видимому, крестьяне вообще.

Термин «виллан» встречается также в одном документе 1332 г. Два виллана, Станин Мокшич и Богдин Салчич, обязуются архиепископу Доминику быть его *subditi et fidelis* и верно служить ему до конца своих дней¹⁷⁰. К сожалению, из документа не видно, какого рода службу должны

¹⁶² Pomorski Split. . . , str. 32, 75, 97.

¹⁶³ И. Н. Смирнов. Землевание в Хорватии и Далмации в X—XI вв., стр. 310.

¹⁶⁴ *Smičiklas*, vol. IV, p. 155.

¹⁶⁵ *MHJSM*, vol. II, p. 291.

¹⁶⁶ *Ibid.*, p. 283.

¹⁶⁷ *Ibid.*, p. 39: *Et dicti electores non possint eligere in iudices, consiliarios, advocatos et examinatos villanos seu bastardos, nisi tantum modo nobiles. . .*

¹⁶⁸ *MHJSM*, vol. II, p. 139.

¹⁶⁹ *Ibid.*, p. 291.

¹⁷⁰ *Smičiklas*, vol. X, p. 9.

нести названные вилланы, но ясно, что здесь речь идет о несвободных людях.

Основную массу крестьян составляли так называемые *laboratores*. Постановление «Древнего статута», в котором впервые упоминается термин *laborator*, говорит о двух категориях людей, называемых этим именем. Первая категория *laboratores* — это свободные арендаторы небольших участков земли (большой частью виноградников) из доли урожая. О них в «Древнем статуте» говорится: «И если кто возьмет у кого-либо виноградник для обработки и не будет его вскапывать два раза и обрезать лозы, не имея на то законного оправдания, он теряет в тот год свою часть и уплачивает штраф в 4 либры, одна половина которого идет в пользу коммуны, а другая — владельцу земли»¹⁷¹. Это — *laboratores ad partem*¹⁷². Такие издольщики называются иногда *coloni*¹⁷³.

В приведенном постановлении содержится указание и на другую категорию *laboratores*. Это те, кто нанимается обрабатывать земли за определенную плату. О них сказано: «И кто бы ни взял чей-либо виноградник для обработки за выданную ему вперед плату и не обрабатывает виноградник честно и вовремя как полагается, но допускает обман, платит коммуне 20 солидов и столько же владельцу виноградника и (кроме того) возвращает полученную плату»¹⁷⁴. Это — *laboratores conducti*. Наиболее распространенной формой эксплуатации в сельском хозяйстве Сплитского округа была, по-видимому, издольщина. Документы довольно подробно определяют взаимоотношения между издольщиками и собственниками земли. Издольщик заключал договор с владельцем земли. До нас дошли такие договоры. Они составлены приблизительно по следующему образцу: такой-то обязуется обрабатывать землю такого-то, расположенную там-то. Указываются размеры земельного участка и срок аренды. Издольщик обязуется обрабатывать землю добросовестно, согласно статутам и обычаям, и уплачивать владельцам земли такую-то часть урожая, себе оставляя такую-то. Если издольщик нарушит договор, то теряет свою часть и уплачивает штраф. В заключение издольщик ручается своим имуществом и своей личностью за выполнение договора. При этом земля отдавалась либо *ad pastinandum*, отсюда *pastinatio*, *pastinator*, т. е. для насаждения виноградных лоз, либо *ad laborandum*, когда виноградные лозы на участке уже были посажены.

Сроки, на которые участок сдавался в обработку, были различны. Договоры между собственниками земли и издольщиками, заключаемые во второй половине XIII—XIV вв., имели силу в течение двух, пяти, шести и восьми лет¹⁷⁵. В «Древнем статуте» сказано, что собственник земли не может согнать издольщика с обрабатываемого им участка раньше, чем будет собран урожай второго года¹⁷⁶. Таким образом, меньше чем на срок в два года земля издольщику не давалась. По всей вероятности, договор

¹⁷¹ MHJSM, vol. II, p. 117.

¹⁷² Ibid., p. 182: Et quicumque habuerit terram ad laborandum ad quamlibet partem...

¹⁷³ Ibid., p. 147. Schwandtner, III, p. 657.

¹⁷⁴ MHJSM, vol. II, p. 117. А. П. Каждан („Наемный труд в Дубровнике в XIV веке“, стр. 43) не обратил внимания на то обстоятельство, что *laboratores* в Дубровнике — это не только люди, обрабатывающие землю за определенную плату, но и издольщики, хотя и в „Книгах реформаций“ и в Дубровницком статуте 1272 г. прямо говорится о *laboratores ad partem* (см. MHJSM, vol. IX, p. 117; MSHSM, vol. XXIX, p. 133).

¹⁷⁵ *S mićiklas*, vol. V, p. 269 sq., 378 sq.; vol. X, p. 347—352; vol. XI, p. 214—215.

¹⁷⁶ MHJSM, vol. II, p. 181—182. Впрочем, если бы владелец сам вздумал обрабатывать участок, он мог согнать издольщика после сбора урожая первого года.

возобновлялся каждый раз по истечении срока. По прошествии же 20 лет срок пользования землей, по-видимому, становился пожизненным. В «Древнем статуте» сказано, что если издольщик насадил виноград и обрабатывал его в течение 20 лет и за это время между ним и собственником земли не возникало споров, «пусть он держит и владеет виноградником на тех же условиях, на каких держал и владел им в течение указанных 20 лет». Даже если земля была бы продана, новый владелец не имел права согнать издольщика и нарушить договор¹⁷⁷. В нашем распоряжении имеется один документ, из которого видно, что арендуемый участок переходил иногда от отца к сыну. В 1337 г. некто Белла с острова Брача взял у сплитского архиепископа землю с обязательством насадить виноград. В договоре сказано, что земля эта расположена *in loco, ubi pater dicti Belli tempore elapso vites habuerat*. Договор заключался на шесть лет¹⁷⁸⁻¹⁷⁹. Из договора видно, что ни Белла, ни его отец не являлись пожизненными держателями земли, а были лишь арендаторами, которые обрабатывали землю, заключая с архиепископом договоры на определенный срок. Упоминаемые в договорах размеры участков земли, сдававшейся в аренду, были невелики: от полутора до восьми уретенгов. Такой участок обрабатывался издольщиком и членами его семьи. За полученный участок земли издольщик обязан был уплачивать землевладельцу часть урожая, которая называлась *terraticum* или *agraticum*. Ее размеры различны. В договорах *терратикум* устанавливается в размере одной четверти, одной трети и даже половины урожая. Половничество было одной из наиболее тяжелых форм эксплуатации труда крестьян. По-видимому, половничество имело место в тех случаях, когда виноградник отдавался *ad laborandum*. Наиболее часто встречаются размеры *терратикум* в одну треть и одну четверть, вероятно, в тех случаях, когда земля отдавалась *ad pastinandum*. Издольщик, возделывавший виноградник, уплачивал *терратикум* не только с урожая, но и с засохших лоз, со срубленных деревьев и т. д.¹⁸⁰

Аренда, о которой речь шла выше, имела феодальный характер, и *терратикум* являлся натуральной формой феодальной ренты. Землевладельцы стремились увеличить ее размеры, а издольщики, наоборот, уменьшить. Классовая борьба, разгоревшаяся в далматинских городах во второй половине XIV в., привела к тому, что правящие круги некоторых городов вынуждены были пойти на уступки издольщикам. Так, например, в реформах к Трогирскому статуту было принято постановление, в котором сказано, что *терратикум* не должен превышать одной трети¹⁸¹. Выплатой *терратикума* обязанности издольщика не ограничивались. «Древний статут» требовал от издольщика, чтобы он предоставлял транспорт и рабочую силу для доставки землевладельцу виноградного сока¹⁸². Комес (правитель города) мог произвольно взять себе продукты с полей или виноградников, обрабатываемых издольщиками. Убыток в этом случае делился пополам между издольщиком и землевладельцем¹⁸³. Издольщики должны или сами охранять виноградники, или частично оплачивать сторожа¹⁸⁴. Они не могли начинать сбор винограда без разрешения землевладельца, в противном случае уплачивался штраф в 40 солидов. Положение издоль-

¹⁷⁷ MHJSM, vol. II, p. 117.

¹⁷⁸⁻¹⁷⁹ Smičiklas, vol. X, p. 346.

¹⁸⁰ MHJSM, vol. II, p. 117.

¹⁸¹ Ibid., vol. X, p. 185.

¹⁸² Ibid., vol. II, p. 185.

¹⁸³ Ibid., p. 120.

¹⁸⁴ Ibid., p. 294.

щиков было, таким образом, очень тяжелым. Правда, иногда в статутах встречаются и постановления, защищающие права издольщика. Например, в «Древнем статуте» сказано, что издольщик не должен терять свою долю, если имущество землевладельца конфискуется за совершенное им преступление. Но в общем закон в первую очередь охранял интересы землевладельцев. В нашем распоряжении имеется один интересный документ, из которого видно, что между издольщиком, непосредственно обрабатывавшим землю, и землевладельцем стоял иногда посредник. В 1338 г. некто Станк берет у некоего Доброла виноградник, который он обязуется обрабатывать с помощью доброго работника (*ad usum boni laboratoris*). За виноградник Станк должен уплатить Добролу одну треть урожая *pro terratico*, а оставшуюся часть разделить поровну с лаборатором¹⁸⁵. Насколько широко распространялась подобная практика, мы сказать не можем и отмечаем приведенный факт лишь как любопытную деталь, которая в известной степени может характеризовать тяжелое положение издольщика.

Рассмотрим теперь положение тех, которые обрабатывали землю за определенную плату. В «Статутах» Сплита о них говорится мало. Собственно все сведения о них исчерпываются приведенным выше отрывком «Древнего статута». В другом постановлении того же статута сказано: «Равным образом установлено и определено, что пусть ни наймит не обманывает нанимателя, ни наниматель наймита». В противном случае и тот и другой уплачивают штраф в 40 солидов¹⁸⁶.

Значительно больше о людях этой категории сказано в Трогирском статуте. Там указывается, что они нанимались на год или на время сбора урожая. Соглашение о найме заключалось в присутствии свидетелей¹⁸⁷. За свою работу они получали поденную плату и харчи. В Трогирском статуте сказано, что человек, работающий в поле или винограднике, должен получать за свою работу только 2 малых солида в день и наниматель не имеет права давать ему на выпивку, пока он в городе. Но во время работы наниматель должен снабжать его питанием. Женщина, нанятая жать хлеб, получала за свой труд 12 денариев и не имела права собирать для себя колосья¹⁸⁸.

Надо думать, что к этой категории принадлежали главным образом крестьяне, лишившиеся земли и вынужденные в поисках пропитания идти работать за поденную плату¹⁸⁹. С другой стороны, на таких же условиях могли вербовать работников и из низов городского населения, например разорившихся ремесленников, а также и из отпущенных на волю рабов. Положение всех этих людей было очень тяжелым. Они с трудом зарабатывали себе на пропитание и за малейшее уклонение от работы подлежали штрафу, а закон всецело стоял на стороне нанимателя. Вообще та часть жителей Сплита, которая была лишена средств производства и шла работать в наем, представляла самый низший слой населения города и его округа, за исключением рабов.

¹⁸⁵ *Smičiklas*, vol. X, p. 416—417.

¹⁸⁶ *MHJSM*, vol. II, p. 182.

¹⁸⁷ *Ibid.*, vol. X, p. 113, 114.

¹⁸⁸ *Ibid.*, p. 80. В 30-х годах XV в. Большой Совет Трогира под давлением нобилей принял постановление, устанавливающее нормы поденной заработной платы за сельскохозяйственные работы. За подрезание и окучку деревьев и виноградных лоз, а также за молотьбу и другие подобные работы мужчина должен был получать 6 солидов в день и харчи. Женщина же за сбор винограда и оливок, а также прополку полей должна была получать 3 солида в день и харчи (*ibid.*, p. 254).

¹⁸⁹ В дубровнических документах XIV в. есть указание, что нанимавшиеся за плату имели иногда свою землю и свои средства производства. См. А. П. К а ж д а н. Наемный труд в Дубровнике, стр. 43. В наших документах таких данных нет.

Большую роль в хозяйстве Сплита занимало пастушеское скотоводство. По данным «Древнего статута» можно установить, что скот отдавался для пастьбы на год пастухам из половины доходов от стада, но каких именно доходов — источник не уточняет. Кроме половины доходов от стада, пастухи должны были отдавать владельцу скота шкуры павших животных. Среди пастухов был старший, который назывался *selnicus*. Без его разрешения другие пастухи и подпаски не могли оставить стадо, пока челник не находил им замены. Пастух должен был по первому требованию владельца давать отчет обо всех доходах со стада. В случае обмана или халатности со стороны пастуха последний возмещал владельцу нанесенный убыток¹⁹⁰. Иногда скот отдавался для выпаса вместе с землей для обработки¹⁹¹. Подробнее определяет взаимоотношения между пастухами и владельцами скота Трогирский статут. Мелкий рогатый скот отдавался для выпаса на один год, о чем между пастухом и скотовладельцем заключался договор. Последний, очевидно, возобновлялся ежегодно. Животные, отдававшиеся пастуху, метились специальными клеймами и к концу каждого года должны были возвращаться владельцу полностью. За свой труд пастух получал третью часть сыра и шерсти, 1 модий ячменя за каждые сто голов скота, а также три раза в год, по большим праздникам, вино. Кроме того, пастух мог в эти праздники зарезать для себя одно животное, но кожу и четвертую часть мяса обязывался отдать владельцу скота. Хозяин должен был давать пастуху вьючное животное для доставки шерсти и сыра в Трогир. Иногда скот отдавался для выпаса из третьей части всех доходов: шерсти, сыра и приплода. Пастух, получая третью часть приплода, должен был возмещать из него пропавший скот. В случае невыполнения условий договора пастух подвергался штрафу. Прибывая в город, он не мог задерживаться там больше четырех дней. Придя туда с вьючными животными, пастух обязан был останавливаться у дома своего господина¹⁹². Договор о пастьбе скота заключал обычно челник. Он должен был иметь помощников, или подпасков (*pastor, bravagius*), из расчета по одному на каждые сто животных. Положение пастухов, таким образом, не было одинаково. В случае споров между ними преимущественное доверие оказывалось челнику. Челник сам владел скотом. Условия договора о сдаче скота для пастьбы предусматривали, чтобы пастух не имел своего скота больше четверти всего стада и чтобы при этом у него не было ни одной коровы. Рядовые пастухи также иногда имели свой скот, но большей частью это были бедняки, которые нанимались или к челнику, или непосредственно к владельцу скота на один год за определенную плату. Положение их было таким же тяжелым, как и всех других лиц этой категории.

Картина аграрных отношений в Сплите и его округе в действительности была несколько более сложной, чем та, которая нарисована нами. Судя по некоторым косвенным известиям источников, местами имелись еще остатки общинных отношений (на Браче и Шолте). Вполне возможно также, что существовала небольшая прослойка крепостных крестьян, но для того, чтобы сказать о них что-нибудь определенное, мы не располагаем достаточными данными.

Суммируя все сказанное, можно сделать следующие выводы о хозяйстве и социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в.

В рассматриваемое время Сплит был довольно большим городом, к ко-

¹⁹⁰ MHJSM, vol. II, p. 221 sq.

¹⁹¹ Pomorski Split... , str. 44.

¹⁹² MHJSM, vol. X, p. 31 sq., 113 etc.

торому примыкал небольшой сельскохозяйственный округ, состоявший из территорий на материке, прилегавших непосредственно к городу и из близлежащих островов. Население самого города и его округа занималось разнообразными ремеслами и промыслами, торговлей, мореходством, а также земледелием и скотоводством. Хозяйственная жизнь города и его округа была типичной для тех городов, которые развивались главным образом в связи с транзитной морской торговлей.

Жители города разделялись на три группы: патрициат, бюргерство и плебейство. Все городское население, за исключением его верхушки, в большинстве документов XIV в., как и раньше, именовалось общим термином *populus*, *populares ignobiles*. Однако в его среде наблюдается значительная социальная дифференциация. В понятие *populus* входит бюргерство и плебейство, причем уже в сочинении Фомы Сплитского, т. е. в первой половине XIII в., встречаются термины *vulgus* и *plebei*, которыми обозначались плебейские элементы. Они состояли из тех, кто работал по найму (слуги, наемные матросы, разорившиеся ремесленники и др.), а также рабов. Слой бюргерства составляли средние и мелкие торговцы, основная масса ремесленников различных специальностей, верхний слой моряков и т. п.

Представители городского патрициата назывались нобилиями (*nobiles*). Это были большей частью одновременно землевладельцы, владельцы скота, домовладельцы и купцы, а часто еще и судовладельцы, откупщики, ростовщики. Среди населения города следует выделить белое и черное духовенство, составлявшее отдельно сословие и жившее также за счет эксплуатации трудящихся масс.

Городской округ был заселен земледельцами и пастухами. Основную их массу составляли, по-видимому, лично свободные, но лишенные земли крестьяне, которые либо обрабатывали взятые ими у землевладельцев небольшие участки земли из доли урожая, либо нанимались работать на полях и виноградниках за плату. То же можно сказать и о пастухах. Разумеется, и аренда, и наемный труд имели феодальный характер.

Городскому патрициату и верхушке духовенства противостояла масса бюргерства и плебейства, а также жестоко эксплуатируемого крестьянства. Основным классовым противоречием XIV в. было противоречие между верхушкой городского населения, с одной стороны, и остальной массой населения города и округа, с другой.

Во второй половине XIV столетия социальные и классовые противоречия в Сплите достигли большой остроты, что нашло отражение как в интенсивном распространении еретических учений, так и в развитии связанных с ними народных движений, завершившихся в самом конце века крупным народным восстанием (1498—1502 гг.). Но это тема специальной статьи.